

СНИМАЕТСЯ КИНО

Немного солнца в холодной воде

Когда я попросился на съемки фильма «Глиняный верблюжонок», режиссер Бюльбюль Мамедов предупредил: надо взять резиновые сапоги. Съемочная площадка находится в десяти километрах от Геок-Тепе, ближе к горам: здесь стремительная горная речка вырывается из теснины ущелья на простор. Нам же предстояло по воде — по самой стремнине реки — углубиться в ущелье метров на триста.

...Сапоги мне, конечно, пригодились, но не для того, чтобы ноги не промочить, — уберегли от острых подводных камней. Ведь вода доходила нам до колен только на каменных перекатах, а чаще мы шли к эстакаде по груди в воде.

Но вот и дорожка-эстакада — она чуточку, сантиметров на пять, утоплена в речке. Режиссер и его ассистенты прошлись по ней раз-другой, проверяя — не прогибается ли она под ногами, не раскачивается ли? Кое-где пришлось эстакаду укреплять: под доски закатывали тяжелые валуны, ставили распорки, вбивали клинья.

Оператор Байрам Ковусов и его ассистенты укрепили намеру на низком штативе (крохотный деревянный помост тоже сантиметров на десять утоплен в речке). Полужелеза в потоке воды, Байрам, бывший «афганец», глянул в окуляр. Что-то ему не приглянулось: край эстакады «нахально лез в камеру». Плотник бросился подклинивать под водой концы стоек, доска опустилась ниже. «Вот теперь отлично!» — кивнул Ковусов и сказал режиссеру о готовности операторской группы.

Тем временем на крохотном пятачке берега, за выступом скалы, одевали и гримировали актеров — Эльвиру Гусейнову и Ораз-Амангельдыева. (Ораз — дублер Баба Аннанова, играющего в фильме роль старого Максата: сам Б. Аннанов болен, а откладывать сложные съемки на реке дальше невозможно: становится все холоднее...).

«Глиняный верблюжонок»

снимается по заказу «Союзтелефильма». Повесть Агагальды Алланазарова «Дестан моей юности» привлекла внимание Б. Мамедова давно. Слушатель Высших курсов сценаристов и режиссеров в Москве, он мечтал снять по ее мотивам свою дипломную работу. Но история трагической любви юноши-красноармейца к красавице Айнабат, жене «классового врага», не вмещалась в прокрустово ложе дозволенной выпускнику короткометражки. И Б. Мамедов снял тогда двухчастную драматическую ленту «Карли» (о дружбе мальчика с раненым орлом), с отличием защитив диплом и заняв о себе как об одаренном режиссере, ищущем свой путь в поэтико-философском и романтическом жанровом кинематографе.

...А любовь юноши Максата и не могла быть счастливой. Это сильное чувство его было изначально замутнено ненавистью к Аширу, молодому мужу Айнабат, пытавшемуся с юной женой и другими родичами уйти за кордон (действие происходит в конце 20-х годов). Ненавистью не столько к счастливому сопернику, сколько к человеку «по ту сторону баррикады».

— Ненависть разрушает душу, — говорит Б. Мамедов о замысле фильма (сценарий он написал вместе с кинодраматургом В. Лобановым). — Она уничтожает человеческое в человеке. Обрекает на гибель самое светлое в нем — любовь, сеет вокруг смерть.

Ненависть сеет смерть... Преследуя уходящих за кордон, пограничники убивают стариков, детей и женщин... Максат стреляет в Ашира, тот плывет по кровавой реке... Но он выжил, вернулся из-за кордона и, преследуя Максата и Айнабат (юноше поручено довести минную вдову до Хивы, передать родителям), стреляет в жену, заподозрив в измене... И сам кончает с собой, бросившись с купола полуразрушенной мечети...

...Стремительно несутся Секиязб в теснине ущелья — живописные каньоны берега

взметнулись в синее небо. Сквозь чистый поток свежей железной протупает неширокая дорожка-эстакада. На дальнем ее краю стоит актриса в белом «газовом» одеянии, ее ступни по щиколотку утопают в воде. Прямо перед камерой лег в воду Ораз Амангельдыев, только чуть приподнятая голова покоится на краю эстакады.

Невидимый ассистент зажег две дымовые шашки и, держа их в руках (так условились заранее), опустил в речку на мелководье. Голубоватый дым всплыл из-под воды и медленно поплыл по-над рекой в нашу сторону, прозрачным флером окутал ноги актрисы. Тут солнце взойшло над каньоном, и в тот же миг Секиязб превратился в стремительно несущийся поток расплавленного золота.

— Эльвира, пошла! — крикнул режиссер, а Байраму тихо сказал: — Панорама от солнечного диска вниз и в кадр входит Айнабат... Так? (Байрам кивнул, не отрываясь от камеры). Мотор!

Эльвира-Айнабат, осторожно ступая по невидимым доскам, медленно двинулась вперед. Ей предстоит так — над потоком — идти метров сорок. Эквилибристика, цирковой номер! Вы когда-нибудь ходили по бревну — хотя бы в школе, на уроках физкультуры?

Эльвира, вчерашняя школьница, шла по невидимому «бревну», не имея права хоть чуточку качнуться (в этом эпизоде ее героиня — видение, призрак, тягостный сон старого Максата). Не имея права вытянуть руки из-под белоснежных одежд. И девушка прошла — один раз, второй, третий. Пока солнце лило свое золото в горную речку Секиязб. Длилось это всего минут двадцать, пока было **немного солнца в холодной воде**, а готовились к съемкам с неделей...

Когда капризное осеннее солнце скрылось за гребнем живописного каньона, укупенно сняли конец этого короткого, трудного, но столь значимого по состоянию героев и глубинной мысли эпизода. Айнабат подошла к

краю эстакады, склонилась над головой старого Максата и прошептала:

— Почему ты не идешь, Максат? Я устала ждать...

Старик в испуге открыл глаза (это, повторяю, был его неотвязчивый сон-кошмар, видение измученной больной совести человека, осознавшего себя убийцей).

И пошел за любимой — в небытие...

Ораз Амангельдыев по-прежнему лежал в холодном потоке, его била крупная дрожь. И только по команде «Мотор!» он каким-то невероятным усилием воли унимал дрожь, режиссер окроплял его лицо водой (Максат в ужасе просыпается в «холодном поту»), и Ковусов, отсняв метров десять пленки, удовлетворенно произносил: «Есть дубль!».

Конечно, этот эпизод в речке надо было снимать в июне-июле, когда окунуться в горный поток — одно наслаждение. Так и планировалось... Но — тяжело заболел Баба Аннанов, перенес две операции в Москве (слава Богу, все обошлось, но сниматься в данном эпизоде и в такое время он, конечно же, уже не смог). Пришлось искать дублера.

О поисках прослышал директор тюза Ораз Амангельдыев, актер по профессии: некогда они с Бюльбюлем окончили Щепкинское училище при Малом театре в Москве.

— Я ж похож на Баба! И ростом с него — Аллах не обделил, — сказал он Мамедову. — Попробуй, чем рискуешь?

Студенческое братство — святое дело. И вот опять и опять лезет в холодный Секиязб заслуженный артист ТССР, директор тюза Ораз Амангельдыев, не хмелея от водки и упрямо унимая предательскую дрожь...

А мне сказал потом:

— Вот в узбекском фильме «Год Дракона» я бросался в реку в конце ноября — совсем другое дело! А тут — какой холод?.. Я по утрам холодный душ принимаю, веришь?

Верю. И спасибо тебе,

Ораз-джан, за мужество и доброе сердце, за верность старой дружбе.

...Откуда, по какой глубинной ассоциации пришло мне название удивительно тонкого, мудрого, чистого, как родник, и пронзительно-печального романа, знаменитой французки Франсуазы Саган?

— «Немного солнца в холодной воде»? Нет, не только похожесть драматических судеб героинь книги и фильма разбудила мою память и подсказала чудесное название для репортажа. Что-то еще тут было скрыто...

И уже в просмотровом зале, видя на экране то, что было несколько дней назад в ущелье Секиязб, я вспомнил это «что-то». Вспомнил: летом гостем нашего Союза кинематографистов был французский кинопродюсер Филипп Жаладо. Он отбирал туркменские фильмы на «свой» фестиваль во Францию. Поняв, что не сможет показать и то, что еще в работе. Тогда было отснято метров четыреста разрозненных эпизодов «Верблюжонок». Опытный продюсер был поражен, попросил Бюльбюля изложить фабулу фильма «по надрику». И сказал — это то, что ему необходимо в первую очередь.

— Скорее завершайте съемки, озвучивайте — и присылайте! Обязательно! В ноябре я жду вас в Париже!

Он слов на ветер не бросал: недавно в СК ТССР поступил телекс: в Париж на кинофестиваль «Трех континентов» вызываются режиссер Б. Мамедов и актриса Эльвира Гусейнова с фильмом «Глиняный верблюжонок».

Выездные документы оформляются. Но... жаль: к ноябрю лента, конечно, не будет завершена. Два месца фильм был в консервации: ждали пленку...

— Ничего! — утешал Бюльбюля иронический Ковусов. — На твой век фестивалей хватит. Главное: не было бы стыдно за свою работу перед людьми.

Хабиб ГУСЕЙНОВ.